

Типы коммуникативных неудач при владении русским языком в качестве функционально непервого¹

1

Изучение языковой компетенции двуязычной (многоязычной) личности за последние десятилетия вышло на качественно новый научный уровень. Еще не так давно основной тенденцией лингвистического анализа были попытки типологизации и систематизации двуязычия и многоязычия, направленные на то, чтобы разработать всеобъемлющую классификацию типов билингвизма, опирающуюся на междисциплинарный синтез различных наук. В качестве примера наиболее масштабной работы такого рода можно привести классификацию Н. Baetens-Beardsmore, в которой выделено более 30 типов билингвизма² (Baetens-Beardsmore 1982). Однако такое количественное перечисление всевозможных вариаций, вариантов и наборов двуязычной компетенции остается лишь абстрактным отображением изолированных языковых фактов и переменных величин. Главный недостаток подобного подхода заключается в том, что он не дает возможности воспроиз-

¹ Настоящая статья является частью диссертационного исследования «Коммуникация на русском языке в качестве функционально непервого», выполняемого на Кафедре современных языков Хельсинкского университета в рамках проекта «Non-native Russian and non-native Finnish as lingua francas».

² Такие, как приобретенный (*achieved*), сопутствующий (*additive*), прогрессирующий (*ascendent*), приписываемый (*ascribed*), асимметричный (*asymmetrical*), сбалансированный (*balanced*), сложный (*compound*), последовательный (*consecutive*), координативный (*coordinate*), диагональный (*diagonal*), ранний (*early*), функциональный (*functional*), горизонтальный (*horisontal*), зарождающийся (*incipient*), индивидуальный (*individual*), детский (*infant*), поздний (*late*), пассивный (*passive*), абсолютный (*perfect*), продуктивный (*productive*), рецептивный (*receptive*), регрессирующий (*recessive*), остаточный (*residual*), побочный (*secondary*), полубилингвизм (*semi-bilingualism*), коллективный (*societal*), субординативный (*subordinate*), убывающий (*subtractive*), последовательный (*successive*), симметричный (*symmetrical*), истинный (*true*), вертикальный (*vertical*).

вести картину живого человеческого взаимодействия, «технологизируя» качественное разнообразие интенционального общения и трансформируя его до простейшего обмена формульными репликами, без учета прагматического и функционально-прикладного характера любого естественного коммуникативного акта.

Постепенное осознание непродуктивности позитивистского стремления ограничить феномен билингвизма жесткими рамками, превратив его в количественный языковой шаблон, который можно было бы использовать в качестве шкалы измерения степени индивидуального или группового двуязычия, привело к тому, что на первый план в настоящее время все заметнее выходит герменевтический подход, основывающийся на когнитивной интерпретации конкретных явлений человеческой коммуникации с присущими ей внутренними противоречиями между формой и содержанием, между теоретическими положениями о языковых нормативах и их практическими воплощениями, между намерениями и установками говорящего и реципиента. Феномен билингвизма, как и многие предметы гуманитарных наук, многогранен и противоречив, он состоит из внутренне связанных противоположностей, находящихся в непрестанном изменении и развитии (Квале 2009: 61).

Смещение научной парадигмы от позитивизма к герменевтике повлекло за собой выход на новый методологический уровень, основанный на когнитивном подходе к изучаемому материалу и включающий в себя использование иных методов исследования, опирающихся скорее на качественный, чем на количественный анализ. Данный метод позволяет правдоподобно охарактеризовать те языковые и речевые явления, которые плохо поддаются объяснению с применением других методов (допустим, структуралистских). Как справедливо замечает О. С. Иссерс, важную роль в прагматических исследованиях играет также интуиция исследователя, предполагающая большую, нежели в других лингвистических теориях, субъективность результатов (Иссерс 2006: 20).

2

Несмотря на качественно новый взгляд на двуязычие, вопросы о том, где начинается билингвизм и какой вид общения можно считать билингвальным, до сих пор остаются спорными, вызывающими появление все новых и новых определений билингвизма,

порой весьма далеких от научной конкретности. Билингвальная языковая личность, по меткому определению А. В. Зеленина, уже давно является тем «экспериментальным полигоном, на котором разворачивается конкретный процесс использования двух или нескольких языков» (Зеленин 2004: 34). Многие дискуссионные вопросы по этому поводу возникают из-за того, что смешиваются, подменяются понятия из двух коррелирующих, но не равнозначных сфер — языка как системы и языка как достояния индивида (Залевская 1998).

Чтобы избежать затруднений, попытаемся подойти к проблеме билингвизма с точки зрения практической коммуникации людей, поставленных в условия необходимости решать свои личные жизненные задачи на нескольких языках. Попробуем дать определение двуязычию и многоязычию, исходя из того, что языковая компетенция личности может состоять из одного языка (и тогда личность можно признать монолингвальной), двух языков (и тогда личность можно признать билингвальной) или нескольких языков (и тогда личность можно считать мультилингвальной). Признаем также за исходную точку тот факт, что чаще всего один из языков занимает в жизни личности доминирующую позицию с точки зрения количества интериоризированных и экстериоризированных языковых средств, масштабов задействования (как активного, так и пассивного) коммуникативно-стилевой парадигмы, состоящей из набора субкодов национального языка (Крысин 2009), и применяемой системы речевых жанров. Именно данный язык является в жизни индивида функционально основным (ФОЯ), то есть таким, с помощью которого личность умеет решать максимально большее количество коммуникативных задач в общении с самыми разными адресатами, говорящими на данном языке.

В таком случае *другой язык* (или другие языки) можно охарактеризовать как *функционально непервый (ФНЯ)*, то есть обладающий меньшим масштабом языковых средств, меньшей коммуникативно-стилевой парадигмой, меньшим числом функциональных субкодов национального языка и меньшим набором освоенных жанров речи.

Как правило, с помощью функционально непервых языков в жизни индивида решается меньшее количество коммуникативных задач. При этом диапазон задействованных языковых средств функционально непервых языков и степень мастерства оперирования ими может варьироваться и весьма сильно различаться у разных пользователей этого языка.

ФОЯ может быть как родным, то есть усвоенным с рождения, так и приобретенным, выученным позднее, но в силу обстоятельств вытеснившим родной язык личности на функционально первое место. Точно также ФНЯ может быть как родным, так и приобретенным. Кроме того, мы должны учитывать тот факт, что билингвизм — величина функционально непостоянная и динамическая, способная к качественным изменениям в зависимости от условий природы общения личности и количества тех коммуникативных задач, необходимость решения которых возникает в процессе социализации.

С этих позиций *двуязычие* (или многоязычие) можно определить как *зависящую от природы общения приобретенную способность личности к активной устойчивой* (то есть повторяющейся достаточно часто и регулярно) *коммуникации* (устной и/или письменной) *на двух или нескольких языках, один (или более) из которых является в жизни индивида функционально основным* (первичным), *а остальные — функционально перерывными*.

3

Коренные геополитические изменения последних двадцати лет привели к тому, что русский язык в мировом пространстве начинает активнее использоваться в качестве функционально первого. Возможно, что в будущем на основе многих «ростков» ФНЯ появятся новые виды еще считающегося единым русского национального языка, как это произошло, например, с английским языком, от которого «отпочковалось» несколько функционально самостоятельных вариантов. Наша точка зрения совпадает с мнением других исследователей. Так, в программной статье Н. Б. Вахтина, А. С. Мустайоки и Е. Ю. Протасовой, полемически озаглавленной «Русские языки» (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010), авторы пишут о том, что бурная историческая эпоха конца XX века, как и следовало ожидать, имела важные последствия с точки зрения изменений в русском языке, обусловленные расширившимся рядом межъязыковых контактов. Изменения эти выразились, по мнению авторов, прежде всего в появлении разных вариантов русского языка, иначе говоря, в его *диверсификации* под влиянием миграций, расширения дву- и многоязычия и т. п.

Диверсификация русского языка, как отмечают авторы (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 5–6), в настоящее время актив-

но идет по двум «контактным вариантам»³. К явлениям первого рода относится русский язык русских в иноязычном окружении, в частности, язык так называемых «других русских», под которыми авторы понимают русскоязычное население новых независимых государств (Казахстана, Таджикистана, Молдавии, Латвии, Эстонии и других). Для этого подвида русского языка характерно (и, видимо, неизбежно) значительное число заимствований из языков «титulyного» населения. Соглашаясь с авторами, мы тем не менее считаем данную категорию более широкой: на наш взгляд, к ней относится также язык русскоязычных диаспор дальнего зарубежья, сформировавшихся в Америке, Германии, Израиле, Финляндии, Австралии, Канаде, обладающий как локальными отличиями, обусловленными контактами с «титulyным» языком государства, так и объединяющими тенденциями в отклонениях от стандартов и нормативов русского языка метрополии. Можно также добавить, что если для старшего поколения диаспор русский язык, даже измененный интерференционными воздействиями, остается все-таки ФОЯ, то младшее поколение, к которому относятся дети, вывезенные из России в детском и подростковом возрасте, а также родившиеся за границей, использует русский язык как раз в качестве ФНЯ.

«Контактные явления второго рода» объединяют случаи использования русского языка людьми, для которых он не является первым (и не является «родным») языком. К числу таких «неносителей» авторы статьи относят прежде всего новых иммигрантов (в частности трудовых мигрантов), приезжающих в Россию на заработки или просто спасающихся от нищеты или преследований у себя на родине (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 6). Принципиально соглашаясь с выделением данной категории, мы, тем не менее, рассматриваем ее более широко, включая туда как «неносителей», живущих в российской метрополии, так и «неносителей», живущих за ее пределами, жизнь (или определенный жизненный период) которых, тем не менее, активно связана с использованием русского языка для решения личных или

³ Авторы выделяют также «островные» варианты русского языка, которые, по их мнению, являются историческим феноменом, то есть в настоящее время уже вряд ли может возникнуть что-то подобное. Из «старых» примеров здесь можно привести языковые особенности уехавших из России староверов, язык некрасовских казаков, язык русских сибирских старожилов, язык эмигрантов «первой волны»: для этих вариантов характерна (и, видимо, неизбежна) консервация языкового состояния, замедление языковых изменений по сравнению с «материнским» («материковым») русским языком (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 5–6).

профессиональных целей. Русский язык таких индивидов может быть приобретен как путем естественной интеракции, так и выучен в «искусственной» среде учебного заведения. Общим признаком данной категории всегда остается активное перенесение разнообразных языковых явлений «родного» ФОЯ в коммуникативную парадигму русского языка. В эту же категорию входят представители старшего поколения (в основном старше семидесяти лет) многих национальных меньшинств, компактными деревенскими «островками» живущих в России: мордвы, удмуртов, чувашей, татар, ханты и манси и проч. Использование русского языка в качестве ФНЯ также остается традиционно устойчивым на юге России, в Дагестане и Осетии, где сильнее, чем в других регионах, развито многоязычие, обусловленное совместным проживанием ряда небольших этносов.

Таким образом, русский язык на современном этапе его существования объединяет людей, живущих как в России, так и в разных других государствах. Он и един, и различен (Вахтин, Мустайоки, Протасова 2010: 5). Огромное количество людей на обширных территориях активно использует русский язык в качестве ФНЯ, решая свои ежедневные задачи, что происходит успешно далеко не всегда, часто заканчиваясь *коммуникативной неудачей* (КН). Именно коммуникативные неудачи и являются предметом нашего научного интереса.

4

В данной статье предпринята попытка совместить два важных понятия современной прагмалингвистики: общение на ФНЯ, заканчивающееся КН. Поставленную проблему мы стремимся осмыслить с помощью вышеназванного когнитивно-прагматического подхода к анализу стратегий и тактик речевого поведения коммуникантов. Такой взгляд позволяет не только изучить языковые явления в их функционально-качественном аспекте, но и дает доступ к пониманию повседневных процессов в мире многообразного общения людей. Материалом для анализа этой проблемы стали собранные с помощью свободных интервью записи устной русской речи проживающих как вне России, так и на территории Российской Федерации людей, осознанно расценивающих свой русский язык как ФНЯ, то есть использующих его меньше и реже другого языка билингвальной пары или мультилингвальной па-

радигмы. Ряд материалов был получен с помощью метода «включенного наблюдения», когда исследователь встраивается в предмет своего изучения, являясь участником исследуемого сегмента общения.

Однако прежде чем перейти к анализу конкретного материала, необходимо уточнить два важных теоретических вопроса: во-первых, какой коммуникативный акт можно считать успешным, а какой неудачным, и во-вторых, каковы причины КН в целом, независимо от языковой компетенции индивида?

Неудачи являются потенциальной и, на наш взгляд, естественной составляющей каждого коммуникативного акта, на каком бы языке он ни совершался: родном или освоенном до высокого уровня беглости, известном с детских лет или выученном «отрывками» во взрослом возрасте. Практические нужды и жизненная необходимость заставляют людей общаться друг с другом, даже если они знают чужой язык на уровне двух десятков слов: так рождаются новые варианты современных «микропиджинов» (Перехвальская 2008; Перехвальская 2010) и близкие им виды опрошенной «эрзац-коммуникации» (Федорова 2010). Представим себе некоего индивида, языковая компетенция которого состоит из четырех языков, что, собственно, совсем не редкость в современном мире. Из числа личных знакомых автора этой статьи можно привести по меньшей мере два примера.

В первом случае это болгарка, живущая в Хельсинки. На работе она пользуется финским языком. Со своим гражданским мужем разговаривает по-английски. Кроме того, в числе ее друзей — несколько близких подруг из России, с которыми она регулярно общается по-русски. На болгарском же языке она разговаривает по системе Skype с родителями и родственниками, а также переписывается с друзьями, оставшимися на родине.

Другой пример — супружеская пара, в которой жена русская, а муж — финский швед; в повседневной жизни муж регулярно использует четыре языка: шведский для разговоров с родственниками, русский для общения с женой, финский для коммуникаций в обществе и английский — на работе.

В подобных случаях расположить функционально-непервые языки по степени сужения языковой компетенции довольно трудно, поскольку каждый из них обслуживает определенную значимую нишу в жизни индивида. Однако для упрощения картины обозначим набор функционально непервых языков цифрами: ФНЯ-1, ФНЯ-2, ФНЯ-3, подразумевая некоторую степень убыва-

ния количества используемых языковых средств, умений, навыков и уменьшения степени мастерства владения ими. При таком положении дел в жизни индивида может осуществляться до десяти видов коммуникации с другими индивидами, обладающими собственными умениями и навыками в использовании данных языков, причем каждый из видов общения будет обладать своими качественными особенностями, признаками и стратегией развития дискурса:

1. ФОЯ >< ФОЯ	6. ФНЯ-1 >< ФНЯ-2
2. ФОЯ >< ФНЯ-1	7. ФНЯ-1 >< ФНЯ-3
3. ФОЯ >< ФНЯ-2	8. ФНЯ-2 >< ФНЯ-2
4. ФОЯ >< ФНЯ-3	9. ФНЯ-2 >< ФНЯ-3
5. ФНЯ-1 >< ФНЯ-1	10. ФНЯ-3 >< ФНЯ-3

Тем не менее, человеческое общение всегда остается процессом «взаимодействия двух или более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» (Красных 2003: 79). Владение языком в качестве ФНЯ предполагает осуществление все того же набора целей общения: побудить партнера по коммуникации начать, закончить, изменить какое-либо действие, повлиять на его точку зрения или предполагаемое решение, иначе говоря, каким-то образом изменить некую ситуацию S1 в ситуацию S2. Тем не менее, в практической коммуникации часто оказывается, что ситуация меняется, но не по модели S1, запланированной коммуникантом, а по моделям S2, S3, S4 и т. д. Часто это происходит не по причине слабого владения языком, но в силу того, что при общении на ФОЯ меняется нагрузка и взаимодействие составляющих компонентов коммуникативного акта: *семантического, лингвистического (грамматического), ситуативного и когнитивного*. Говоря коротко, включается иной прагматический код общения.

Под успешным коммуникативным актом мы понимаем речевой акт говорящего А и реципиента В, при котором реципиент В воспринял основное содержание высказывания говорящего А и произвел в ответ на его слова действие (вербальное или физическое), совпадающее с коммуникативным намерением говорящего А. Соответственно, коммуникативный акт может

быть назван неудачным, если реципиент В не воспринял истинный смысл высказывания говорящего А или воспринял его не полностью, или воспринял его ошибочно и не произвел в ответ вербального или физического действия, совпадающего с коммуникативным намерением говорящего А.

Обобщенно причины неудачного коммуникативного акта можно суммировать следующим образом:

- (1) реципиент не слышит речь (неслышание, *non-hearing*);
- (2) реципиент слышит, но не слушает (неслушание, *non-listening*);
- (3) реципиент слышит не так (*mishearing*) (Мустайоки 2011).

Понятие *коммуникативного намерения* было введено в прагмалингвистику П. Грайсом в его известной работе «Логика и конверсация» (Grice 1975), где он писал, что коммуникативное намерение может быть понято только в контексте различных видов взаимных ожиданий и взаимопонимания между участниками коммуникации, в частности, когда все знают, что все ожидают друг от друга стремления к сотрудничеству и желания принести пользу, и когда все знают, что каждого волнует его репутация. Если следовать этой мысли, то успешность коммуникативного акта оказывается более зависимой не от уровня грамматического владения языком, а от изначальных установок говорящего и реципиента. Такую коммуникацию называют обычно кооперативной, основанной на взаимонаправленности коммуникантов друг на друга, их направленности на оказание помощи друг другу «кооперативным мышлением», противопоставляя кооперативному мышлению практическое мышление, принимающее во внимание лишь индивидуальные цели самого субъекта или окружающих (Томаселло 2011). По логике Томаселло, последовательность звеньев кооперативной цепочки в акте коммуникации образует следующий механизм кооперированного общения (К. — коммуникант, Р. — реципиент):

- Цель К. заключается в том, чтобы Р. что-то узнал: либо получил какую-нибудь полезную или интересную информацию (в случае информирования), либо понял, в каком индивидуальном психическом состоянии находится К. (в случае запроса на сотрудничество).
- Р. понимает, что К. хочет, чтобы он что-то узнал. Р. хочет кооперативно взаимодействовать и получить эту информацию, потому что он верит, что она будет интересна ему самому (как в случае информирования) или предоставит ему возможность принести пользу К., выполнив его просьбу (если она была вы-

ражена в контексте сотрудничества), и тем самым укрепить свою репутацию.

- К. понимает, что Р. хочет понять сообщение и ответить на его стремление к тому, чтобы он что-то узнал, потому что хотя бы отчасти верит в то, что К. ориентирован на сотрудничество. И поэтому теперь, после того, как К. уже дал Р. понять, что хочет, чтобы тот что-то узнал, он подчеркивает, что хочет, чтобы тот узнал, что он хочет, чтобы тот что-то узнал. При этом К. ожидает, что Р., учитывая его стремление быть полезным, узнав все это, будет еще больше стараться понять сообщение и поступить в соответствии с ним (Томаселло 2011: 176).

Однако схема Томаселло, какой бы удобной она ни представлялась, функционирует без сбоев лишь тогда, когда коммуниканты обмениваются простейшими репликами, эмоционально-неразвернутыми речевыми конструкциями, не отклоняющимися от жесткого информативного стандарта, воплощающимися по схеме «вопрос — ответ»:

- (1) — Выпьешь чаю?
— Нет, я буду кофе.
- (2) — Пойдем в субботу в кино?
— Лучше сходим в воскресенье.
- (3) — Игорь сегодня придет?
— Нет, он поехал к Нине.

Стремление к речевому стандарту и вербальному типизированию действительно является одним из центральных свойств человеческой коммуникации. Среди постулатов когнитивной семантики, выдвинутых А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским (Баранов, Добровольский 1997) важное место занимает постулат об экономии усилий, утверждающий мысль, что языку свойственно сведение разнообразных ситуаций к стандарту, в котором воплощен предшествующий опыт человека. Это порождает «ритуализацию» мышления человека и его речевого поведения, что находит выражение в стереотипах, в частности, речевых. Речевые действия участников коммуникации, таким образом, оказываются определенным образом запрограммированными и стандартизированными, формализованными более или менее жестко в зависимости от ситуативных условий общения.

Однако в практической действительности коммуникативные акты не сводятся лишь к обмену простейшими репликами между

говорящим и реципиентом, не ограничиваются однократными вербальными линиями вопроса и ответа. Не менее важным стратегическим принципом человеческого общения является также располагающийся в центре когнитивной парадигмы постулат о значимости нестандартного употребления языка. Модели речевого поведения предполагают не только следование стандарту, но и, как это ни парадоксально, нарушение и разрушение стандарта, являющееся второй релевантной стратегией в человеческом общении: «суть коммуникативных правил состоит в их постоянном нарушении» (Тарасова 1992). Таким образом, понимание и оперирование нестандартными конструкциями (фонетическими, морфологическими, лексическими, синтаксическими, прагматическими) представляет собой специфический раздел знаний свода коммуникативных стратегий и отражает, пожалуй, высшую оперативную способность индивида. Такие приемы используются как для облегчения, так и для целенаправленного осложнения процесса коммуникации.

Следовательно, коммуникативный акт представляет собой развернутое во времени и пространстве вербальное событие, в течение которого участники коммуникации не только успешно решают поставленные задачи, но и преодолевают множество КН разных типов. Будет ли итог коммуникативного акта успешным, зависит не только от числа КН, но и от обоюдного желания говорящего и реципиента их преодолевать, несмотря на ряд объективных, внешних, или субъективных, внутренних помех общения. Отказ хотя бы одного из партнеров коммуникации от усилий по созданию совместного дискурса приводит к коммуникативной неудаче, временной или окончательной.

5

Попытка обоснования общей теории КН сделана в статье А. Мустайоки (Мустайоки 2011). Систематизируя опыт предшественников (это О. П. Ермакова и Е. А. Земская, Ф. Басевич, В. Фалкнер, П. Линелл и др.), Мустайоки справедливо указывает на то, что в последние годы картина причин КН в значительной мере дополнилась благодаря исследованиям, проведенным рядом психолингвистов, эксперименты которых существенным образом изменили сложившееся представление о деятельности участников общения. Раньше за догму принимали кооперативный принцип

коммуникации, согласно которому говорящий старается как можно более тщательно приспосабливать свою речь к реципиенту. Как показали психолингвистические эксперименты, это только идеал, который практически никогда не встречается в реальности. Значительная доля КН, по мысли Мустайоки, происходит от неспособности говорящего и реципиента последовательно придерживаться в коммуникативном акте принципа кооперации, в результате чего не происходит совпадения намерений коммуникантов, которые не понимают друг друга не на грамматическом, а на ментальном уровне, не реализуют «фактор слушателя» — реципиент-дизайн. А. Мустайоки представляет разные фазы и элементы коммуникации в виде следующей схемы:

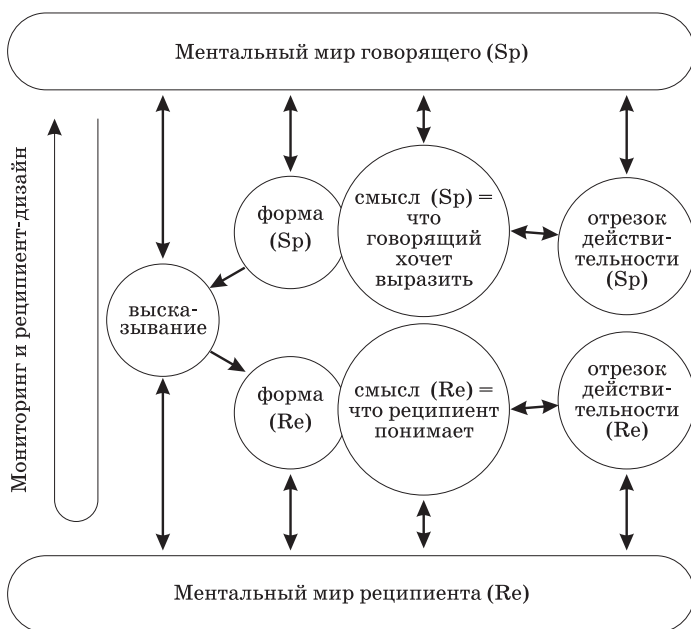

Схема 1. Фазы коммуникации⁴

Данная схема наглядно представляет живое взаимодействие четырех взаимосвязанных факторов (о которых мы упоминали выше), активно влияющих на успех или неуспех коммуникации:

⁴ По (Мустайоки 2011); см. также статью Арто Мустайоки в настоящем сборнике.

семантика — грамматика — ситуация — ментальность. Чтобы интеракция завершилась успехом, высказывание говорящего А должно быть воспринято реципиентом В на всех четырех уровнях, в противном случае — при сбое одного из них — произойдет нарушение работы всей системы коммуникации. Как ни странно, самым «помехоустойчивым» уровнем оказывается лингвистический: критический порог грамматических ошибок, как правило, очень высок, и высказывание воспринимается реципиентом даже на уровне известной фразы: «Ты сюда не ходи: снег башка попадет, совсем мертвый будешь!» Как правило, сбои грамматического уровня компенсируются базой ситуации, на которую опираются и говорящий, и реципиент. Гораздо более чувствительными к помехам оказываются уровень семантический и ментально-когнитивный.

Согласно теории Мустайоки (там же), любое высказывание тем или иным образом связано с действительностью, или, более конкретно, с ее ограниченным фрагментом. Действительность — это не только реальный мир; одинаково часто мы говорим и о наших чувствах и ощущениях (внешний мир), и о наших планах, мечтаниях, желаниях, снах (виртуальный мир). «Смысл», или то, что мы хотим выразить, нередко имеет достаточно неопределенный облик в наших мыслях. Из-за этого поиск слов, подходящих к выражению данного смысла, — непростая задача. Таким образом, смысл обычно «больше», чем слова, рассказывающие о нем.

С одной стороны, трудно найти языковые средства для выражения смысла, с другой стороны, говорящий имеет в своем распоряжении, как правило, широкий диапазон различных возможностей для выражения данного смысла. По верному замечанию Мустайоки, подбирая языковые средства для выражения смысла, говорящий определяет не только лингвистическое содержание (пропозицию) своего высказывания, но и его тон (регистр). Речевая коммуникация — это стратегический процесс, базисом для него является выбор оптимальных языковых ресурсов. Передача сообщений в процессе может быть рассмотрена как серия решений говорящего. Большинство из них принимаются неосознанно, автоматически (Иссерс 2006: 10).

Что же происходит, когда интеракция совершается индивидом, для которого русский язык является функционально первым? Иностранец, говорящий на русском языке, со своей стороны, имеет, как правило, намного меньший набор выражений в своем запасе. Из-за этого он неизбежно должен уступать носителю языка в степени разработанности оттенков высказывания

(Мустайоки 2011). ФНЯ отличается от ФОЯ повышенным количеством лакун, возникающих на всех уровнях: семантическом, грамматическом, жанрово-стилистическом и когнитивно-культурологическом, — что тем или иным образом проявляется в конкретной ситуации коммуникативного акта.

Как образно пишут в своей книге Д. Б. Гудков и Е. Ю. Скороходова, язык можно представить в виде склада, где на определенных полках в определенном порядке находятся различные «единицы хранения»... Для создания речевого произведения каждый из нас берет те или иные из этих единиц, строит из них некоторые комбинации и проводит иные операции, предписанные правилами, которые существуют на данном складе... Состав «единиц хранения» и правила манипуляций с ними постоянно меняются, как меняются правила использования одежды под влиянием моды (Гудков, Скороходова 2010: 13).

Повышенная лакунарность приводит к возникновению и использованию особого рода дискурса, главным модусом которого является стандартизированность и ослабленная вариативность. Коммуникант, как правило, оперирует привычными единицами, хотя, безусловно, всегда опирается на дискурс реципиента, особенно если язык общения выступает у реципиента в роли ФОЯ. Языковое пространство ФНЯ тяготеет к компактности, оно сжимается, уменьшается: из всего разнообразия единиц, правил и методов работы с ними используется ограниченный набор, часто значительные языковые области остаются неизвестными для пользователей, а другие «консервируются» (Гудков, Скороходова 2010: 14). Под влиянием этих факторов высказывания и дискурс коммуниканта на ФНЯ становятся асимметричными по отношению к той или иной языковой норме. Асимметричность, на наш взгляд, является доминирующей стратегией построения дискурса на ФНЯ, и именно она порождает и влечет за собой цепь отклонений, дискурсивных aberrаций, которые могут спровоцировать коммуникативную неудачу. При этом важно учитывать, что в коммуникации на ФНЯ присутствует совокупность асимметричных стратегий восприятия и производства речи. Наиболее важными, на наш взгляд, являются следующие факторы асимметричности, воздействующие как на стратегию построения высказывания автором, так и на стратегию восприятия этого высказывания реципиентом:

- 1) слуховая асимметричность;
- 2) интонационно-акцентологическая асимметричность;
- 3) ассоциативная асимметричность;

- 4) лексическая асимметричность;
- 5) грамматическая асимметричность;
- 6) прагматическая асимметричность.

Остановимся подробнее на каждом типе выделенных коммуникативных асимметрий.

6

Слуховая асимметричность является, вероятно, одним из самых сильных факторов, провоцирующих aberrации в так называемом «реципиент-дизайне» (Мустайоки 2011), то есть в восприятии и понимании речи автора. Слуховые погрешности случаются практически ежедневно в любом из видов человеческой коммуникации, будь то разговор носителей языка друг с другом (ФОЯ >< ФОЯ) или беседа двух неносителей (ФНЯ-2 >< ФНЯ-3). Уточняющие вопросы и *что? как? а?* и проч. являются настолько естественными маркерами общения, что даже не воспринимаются как сигналы коммуникативной асимметрии. Более явными признаками непонимания становятся прямые признания реципиента: *не понял, скажи еще раз* и т. п., заставляющие автора реагировать на коммуникативный сбой и изменять высказывание, в том числе и его звуковой облик. Механизм восприятия звучащей речи чрезвычайно сложен, так что ни одна из различных моделей слухового восприятия⁵ не может считаться исчерпывающей, тем более что большинство работ, посвященных восприятию речи, как верно отмечает Е. В. Ягунова, сосредоточены на процедурах идентификации слова (Ягунова 2008), тогда как основной единицей коммуникации (особенно устной) является синтагма, сегмент высказывания (то есть несколько связанных друг с другом слов), который реципиент должен подвергнуть «когнитивной обработке»: сначала расчленив на отдельные слова, а потом связать воедино. В звуковом виде синтагма, над которой реципиент должен произвести когнитивную обработку, создав верный слуховой дизайн, выглядит следующим образом:

⁵ Е. В. Ягунова в диссертации, посвященной вариативности стратегий восприятия звучащего текста, дает обзор основных моделей восприятия и распознавания речи, разработанных психолингвистами с конца 50-х годов прошлого века. К наиболее значимым можно отнести, например, модель анализа через синтез, неомоторную модель прямого восприятия, модели доступа через дифференциальные признаки, модель взаимной активации и другие (см. Ягунова 2002: 15–37).

- (4) [тын'и° в'и.↑д'ьлАндр'э`йь]
Ты не видел Андрея?
- (5) [ЛонскАзалшт'ьс'и°водн'ьбол'шт'н'ьпр'и°й'едът]
А он сказал, что сегодня больше не придет.
- (6) [нут'кп'звАн'и.↑йи°мус'и°чаж'ьшт'ьбыв'и°рнул'ь]
Ну так позвони ему сейчас же, чтобы вернулся!

Выбор стратегии восприятия определяется параметрами коммуникативной ситуации. Идеальными условиями восприятия реципиента должны являться полная тишина, отсутствие посторонних звуковых помех, четкая внятная речь автора и его физическое присутствие рядом. На практике, однако, сочетания этих условий удастся достигнуть далеко не всегда. Очень часто человеческое общение сопровождается посторонними шумами современной техники: телевизора, пылесоса, транспорта, едущего по городским улицам, ремонта, осуществляемого по соседству, наконец, разговоров других людей, стоящих или проходящих рядом. Люди также постоянно разговаривают друг с другом, находясь в разных комнатах, или по телефону, что также увеличивает уровень слуховой асимметричности.

Если коммуникация осуществляется одним или обоими партнерами на ФНЯ, зависимость участников от звукового фона усиливается во много раз. Кроме того, значимым фактором становится индивидуальная просодия говорящего: риск слуховых aberrаций в реципиент-дизайне возрастает в несколько раз, если автор говорит тихо или в его дикции имеются какие-то отклонения от нормы (картавость, шепелявость, «проглатывание» конечных слогов). Все эти помехи существенно снижают скорость когнитивной обработки. Именно поэтому разговоры по телефону требуют от говорящего на ФНЯ повышенной концентрации внимания и слухового напряжения, поскольку при физическом присутствии автора слуховое восприятие реципиента опирается также на невербальную модель поведения говорящего, артикуляцию собеседника, включающую, по мнению некоторых ученых, генетически предопределяемый специализированный модуль, связывающий между собой артикуляторные жесты и акустические характеристики фонетических сегментов (Ягунова 2008: 11). Однако и в этом случае реципиент-дизайн может быть составлен неверно, поскольку в звуковом намерении говорящего реципиент часто видит не столько реальные артикуляции, сколько типовые артикуляторные жесты, или артикуляторные наме-

рения, стандартно ассоциированные с акустическими характеристиками того или иного типа (Ягунова 2008). Следовательно, при коммуникации на ФНЯ в звуко-визуальном сознании реципиента присутствует артикуляционная система его ФОЯ, которая может приводить к абберациям при восприятии речи говорящего.

По нашим наблюдениям, в слуховом восприятии речи на русском языке у реципиентов доминирует опора на ударный слог, который в процессе когнитивной обработки обрастает смыслами, не всегда совпадающими с реальным смыслом высказывания. Именно ударный слог становится в сознании реципиента тем начальным сегментом речевого сигнала, по которому движется когнитивная проверка на совпадение с соответствующими сегментами единиц индивидуального ментального лексикона (Ягунова 2008: 46). Типичным примером является смешение похожих слов *июнь* и *июль*, которые, к тому же, являются частями одного семантического поля *лето*. По этой же модели работает и восприятие других слов, особенно если автор сообщает о событии, еще не известном реципиенту. Приведем отрывок из услышанной нами беседы двух знакомых между собою женщин. Русский язык для участницы диалога В является ФНЯ, в силу чего она истолковывает значимое слово неверно, делая свои выводы именно на основании индивидуальной когнитивной обработки ударного слога:

- (7) А: Мы ходили утром в церковь. Было очень смешно, совсем не по-русски.
 В: Да? А где он? Обычно осенью приезжает.
 А: Куда приезжает?
 В: Ну... там... На Kaisaniemen puisto <парк Кайсаниеми>.
 А: А что там за церковь?
 В: Ах! Я слышала цирк!.. Не церковь... Ох...

Интонационно-акцентологическая асимметричность речи в большей или меньшей степени проявляется у всех говорящих на ФНЯ. Говорящий копирует интонационные конструкции основного языка и по их моделям строит высказывание на ФНЯ, что часто порождает трудности в восприятии его речи реципиентами. Так, речь финско-русских билингвов, говорящих по-русски даже на высоком уровне беглости без критического числа грамматических ошибок, все равно часто воспринимается реципиентами, для которых русский язык является ФОЯ, как интонационно-невыра-

зительная, «смазанная», невнятная и непонятная, для правильного восприятия которой необходимо прилагать дополнительные слуховые усилия. Такое восприятие происходит именно вследствие сильного разрыва между русскими и финскими интонационными конструкциями, поскольку в финском языке окончание синтагмы не носит столь резкого интонационного характера, как в русском. Такая речь требует со стороны реципиента некоторого «адаптационного периода», за время которого происходит привыкание к русской речи, поставленной в рамки чужих интонационных конструкций.

Интонационно-акцентологическая асимметричность сохранилась в речи старших поколений национальных меньшинств, проживающих на территории Российской Федерации, с чем автору данной статьи пришлось столкнуться во время полевой работы в Мордовии. Если в речи послевоенных поколений наложение мордовских интонационных конструкций на русские высказывания происходят в определенных случаях, то в русской речи старшего поколения эти конструкции являются интонационной основой речи, которая «разбавляется» русскими интонационными конструкциями. Так, основным признаком эрзя-мордовской интонации является резкое повышение тона в конце синтагмы. В диалогической речи это явление присутствует реже, но как только говорящий переходит к нарративу, пусть даже и минимальному, тональное повышение начинает сопровождать почти каждую синтагму. В конце высказывания тональное повышение сменяется резким падением тона, происходит так называемый интонационный скачок, тональное колебание конечного гласного, при котором он растягивается с сильным колебанием просодии. Сначала звук резко поднимается вверх, а затем так же резко падает вниз, причем дистанция между высотой звуков весьма велика. Особенно отчетливо это слышно, если высказывание заканчивается словами *да, вот, вот так*, используемыми в качестве самоподтверждения и усиления смысла сказанного; русская речь начинает звучать протяжно и распевно. Приведем в качестве примера микронарратив (8), в котором информантка в ответ на вопрос рассказывает о языковой компетенции своих внуков:

- (8) А: По-русски↑, по-русски↑, да=↑а↘
 Ды/ они не хотят по-мордовски... да↑=а↘, да↑=а↘, не
 хотя=↑ат

Одни вообще не понимаю=у́т/ по-мордовски=и́т
 даже=э́т... вон / Сашкань.... даже они не
 понима́ю=ут...
 Вот Ванин Денис и по-мордовски начне=от́т да
 по-мордовски так интересно вот начне=́тот... ха! по-
 русски́т
 Хотя родители мордва а все равно по-русски учут их́т
 во́тот.

Акцентологическая асимметрия неразрывно связана с интонационной, поскольку обе эти aberrации, как правило, сопровождают одно и то же высказывание одного и того же индивида. Если вторжение звуковой системы ФОЯ в русскую речь происходит постоянно, то реципиенту заметен так называемый сильный акцент; если же интерференция происходит на уровне отдельных звуко сочетаний, такую речь называют речью с легким акцентом. Так, в речи финско-русских билингвов очень часто происходит интерференция слогов [mi] и [ve]: с нами — [сна́ми], друзьями — [друз'я́ми], странными — [стра́нными], Швеция — [шве́ций], светлый — [све́тлый], занавески — [зэ́нΛвеск'и].

Типичным признаком акцентологической асимметрии в русской речи билингвов, использующих русский язык в качестве ФНЯ, является также так называемое «укрупнение гласных звуков», т. е. стремление перевести гласный из режима редукции в режим ударного полногласия. Возможно, одним из дополнительных факторов, поддерживающих эту акцентологическую стратегию, является овладение устной речью одновременно с ее письменным аналогом, когда воспринимаемый визуально графический облик слова доминирует над его звуковым образом. С этим явлением мы столкнулись в Мордовии, при записи русской речи довоенного поколения эрзян, у которых овладение русским языком в массовом порядке происходило в возрасте пятидесяти лет в процессе школьного обучения с опорой не на устную речь, а на письменный вариант русского языка, не передающий особенностей аканья и процессов редукции (Исаева 1965: 8). Так, русский редуцированный предударный звук Λ [пΛй́д'ом] — пойдем) в речи «старых» эрзян переходит в «чистые» а или о; сильно редуцированный русский з (заударный или стоящий во втором и далее предударных слогах: [р'э́скΛза́ль] — рассказала) или переходит в открытые а или о, или же меняется на редуцированный ä. Гласные звуки, стоящие после мягких согласных, также изме-

няются. Слитный звук *иэ*, передающийся на письме буквами *и*, *е* или *я* ([в'иэс'олый] — веселый, [в'иэшн'овый] — вишневый, [т'иэжолый] — тяжелый) обычно переходит в чистые звуки *и* или *э*. А редуцированный *ѣ*, стоящий после мягкого согласного в отдаленных предударных или заударных слогах ([н'ѣв'иэс'олый] — невеселый, ([ф'ѣЛл'этъвый] — фиолетовый, [уродл'ѣвый] — уродливый) или же открывается до полногласных *э* или *и*, или предстает в форме слитного *иэ*. В результате подобное произношение весьма сильно отличается от русского нормативного образца (9):

- (9) Я у сына жила зимой / меня забирают отсюда / я одна остаюсь... забирают...

русск.: [йа у сынъ жыла з'иэмой / мьн'а зъбирайут

âtсудъвъ / йа Адна ъстАйус'... зЛбиэрайут]

морд.: [йа у сына жыла з'и:мой / меня забира:йут

отсудАвА / йа одна астайус... забирайут];

- (10) В Печёуры в школу ходили еще в лаптях!

русск.: [ф п'ѣчиэуры ф школу хЛд'ил'и иэшо в лЛпт'ах]

морд.: [пиЧэуру школу ход'ил'и ешЧо в лапт'ах]

- (11) Уж=э... как/ сказать... чтобы не злились вот и/ даже не злились.

русск.: [уш=э... как/ скЛзат'... штобы н'ѣзл'илис' вот и/ дажѣ н'ѣзл'ил'ис']

морд.: [уш=э... как/ сказат'... штобы не зл'ил'ис' вот и/ дажыэ не зл'ил'ис']

Акцентологическая асимметрия приводит к коммуникативным неудачам не так часто, но они все же случаются в тех случаях, когда неверно произнесенное слово в сознании реципиента совпадает с другой словоформой. В диалоге (12) финн В высказывает свое мнение по определенному вопросу русской знакомой Г. И хотя речь его нельзя назвать неуверенной, тем не менее акцентологическая асимметричность приводит к тому, что у Г происходит звуковая аберрация и она делает когнитивную ошибку, неверно понимая слово *грамотный*, слоги которого были произнесены акцентологически одинаково-укрупненно, без редуцирования и просодического усиления ударного гласного:

- (12) В: Думаю, что специалист должен быть грамотный [гра-матный].

Г: В каком смысле громадный?

В: Грамотный [граматный]? Это такой, кто много знает.

Г: Ах, грамотный!..

Другой забавный случай коммуникативной неудачи, основанной также на акцентологической асимметрии знакового слова, произошел при общении автора статьи с изучавшей русский язык финской девушкой, которая пожаловалась на трудности фонетической системы русского языка, сказав: «А это ваше ужасное слово *лисий!*» Поскольку отношения между автором и реципиентом строились по типу преподаватель — ученик, автор посчитала себя обязанной прочитать ученице краткую лекцию о притяжательных прилагательных русского языка, сопроводив свои объяснения схемой и примерами образования таких прилагательных и не забыв при этом упомянуть и о чередованиях согласных: *волк — волчий, медведь — медвежий, кошка — кошачий, собака — собачий*. Ученица выслушала рассказ до конца с финским спокойствием, терпением и невозмутимостью, после чего ответила: «Да, спасибо. Но это другой. Это кто без волос».

Ассоциативная асимметричность речи и дискурса на ФНЯ связана со сложной внутренней организацией языкового сознания билингвальной личности, зависящей от соотношения языков в индивидуальной языковой парадигме и ситуативных параметров, влияющих на стратегию речевого поведения. С прибавлением языков неизбежно усложняется и увеличивается ассоциативно-вербальная сеть (АВС) личности, охватывающая все зоны и поля индивидуального лексикона. Становление лексикона происходит в результате усвоения слов и закрепления в АВС различных вариантов значений: материального (звукового и графического), семантического, комбинаторно-синтаксического, культурологического, эмоционально-субъективного. Все категории языка, которыми овладевает личность, непосредственно прикреплены к значению слова, семантизированы. Значение — это центральная, главная функция каждой из языковых категорий и каждой из структур речевой деятельности, которые составляют функциональную систему, называемую языковой способностью (Шахнарович, Юрьева 1990). Языковой знак (звуковой или графический) не может существовать в сознании без значения, закрепляющегося за ним в процессе вербальной социализации человека и ежедневных коммуникативных практик.

По мере возрастания уровня владения языком значение слова расширяется и нагружается разнообразными семантическими компонентами в зависимости от широты объективных знаний о действительности и разнообразия и активности коммуникативных операций, осуществляемых говорящим. «Семантика слова — это элемент в понятийной системе; меняющаяся, подвижная реальность, зависящая от текущих условий и индивидуального опыта» (Шахнарович, Юрева 1990: 11). В ходе речевого акта происходит постоянный процесс выбора значений, необходимых индивиду для успешной коммуникации. Еще А. А. Леонтьев писал, что слово в лексиконе записано в форме его поиска: слово есть поиск (Леонтьев 1999). Таким образом, речевой акт основан на внутреннем поиске суммы значений, приводящем к конечному выбору наименования. Отсутствие значения неизбежно связано с лакуной в лексиконе; заполнение лакун происходит в течение всей жизни, поскольку багаж человеческих знаний постоянно растет и увеличивается, приводя к появлению новых артефактов и концептов, их лексическому обозначению и вхождению данных логотенов (образов, обладающих материально выраженной лексической оболочкой, вербально формализованных представлений) в языковую картину мира. С другой стороны, знание о концепте далеко не всегда предполагает его непосредственную связь со словом, что приводит к возникновению лакун даже в речи монолингвов. К примеру, носители языка довольно часто не знают досконально набора лексем, касающихся порой самых привычных и знакомых вещей: деталей обуви, одежды, мебели, инструментов и т. д.

Вопрос об изменениях структуры АВС с увеличением количества языков, которыми пользуется индивид, также является открытым. Внимание многих психоллингвистов привлекают так называемые «ассоциативные нормы», которые используются в качестве исходного материала для межъязыкового сопоставления АВС и анализа организации лексикона человека в зависимости от его основного языка (Залевская 1998). Если рассматривать АВС при монолингвизме (А) как систему образов, выраженную с помощью средств одного языка, то АВС при двуязычии (В) характеризуется тем, что на единую систему образов накладывается двойной языковой материал. В случаях трилингвизма (С) АВС соединяет в себе систему образов, соответственно, связанную уже с тройным языковым материалом. Упрощенно отличия структуры АВС на трех этих видах языковой деятельности можно выразить следующим образом:

(A)	ОБРАЗ	↔	СЛОВО
(B)	ОБРАЗ	↔	СЛОВО
(C)	ОБРАЗ	↔	СЛОВО

Таким образом, лексикон билингва представляет собой модель в виде двухуровневой репрезентационной системы, один из уровней которой включает словесные формы двух языков (лексическая память), а другой содержит образы, значения, понятия (концептуальная память). Предполагается, что концептуальная память содержит независимые от языка репрезентации, то есть единицы, на основе которых образуются значения слов (Croot & Comijs 1995). Выбор значения связан с актуализацией фрагментов лексического тезауруса, задействованием нужных полей и зон ABC с последующим привлечением того логотипа, который соответствует речевой ситуации по максимальному количеству значений. При расширении языковой компетенции набор и количество значений может изменяться. С одной стороны, оно расширяется и увеличивается за счет включения в лексикон слов двух языков, прикрепленных к одному концепту. С другой стороны, билингв, владеющий русским языком в качестве ФНЯ, может не знать огромного количества концептов и связанных с ними значений, которые освоены монолингвами метрополии, в результате чего поля ABC и зоны лексикона начинают светиться пустотами и смысловыми лакунами. Помимо этого, значения концепта в одном языке почти никогда полностью не совпадают со значениями концепта другого языка.

Кроме того, владение двумя или более языками не сводится лишь к знанию слов на разных языках. Слова двух языков в сознании человека связаны не только однонаправленной семантически-переводной связью через онтологическое содержание слова ФОЯ к значению слова ФНЯ. Безусловно, такая связь существует, однако помимо нее, слова двух языков вступают в сложные взаимоотношения на грамматическом, культурологическом и личностно-эмоциональном уровне. Серия проведенных нами тестов свободного ассоциативного эксперимента⁶ показала, что слова

⁶ Согласно плану эксперимента, респондентам в бессистемном порядке назывались слова (существительные, прилагательные, глаголы) на русском и финском языках. Респонденты должны были ответить на слово-стимул первым пришедшим в голову словом-реакцией или же, если в сознании не возникло никакой языковой реакции, отказаться от ответа, сказав «не знаю». Время обдумывания составляло не больше полутора секунд. Время теста составляло чаще всего около пятнадцати

двух языков находятся в языковом сознании билингва в динамичной разнонаправленной связи, активизирующей как объективные знания о мире, так и субъективные взгляды на него. Ассоциативные связи координируются ФОЯ индивида, который подсказывает стимул на заданную реакцию: соответственно, на русском (13) или финском (14) языках, как это видно на примерах, взятых из проведенных тестов:

- (13) Avata <открыть> — Дверь, Paksu <толстый> — Брюхо, Suora <прямой> — Линия, Musta <черный> — Лошадь, Mustasukkainen <ревнивый> — Муж, Utelias <любопытный> — Нос, Heittää <бросить> — Камень, Pyöritellä <крутить> — Мяч, Neula <иглолка> — С ниткой, Lyhyt <короткий, невысокий> — Человек, Ikävä <грусть, скука> — Маму, Halata <обнимать, обниматься> — Крепко, Uskaltaa <решиться> — Прыгнуть, Tiivistää <сжать> — Сильно, Porata <сверлить> — Дырку, Kehua <хвалить> — Дело, Revetä <рвать> — Дырку, Pyytää <просить> — Что-то, Kierukka <спираль> — Внутри, Särkeä <разбить> — Предмет, Makeuttaa <подсластить> — Чай, Tulipalo <пожар> — На улице, Syntyä <родиться> — Заново, Pureskella <жевать> — Жевачку, Miettiä <обдумывать> — Долго;
- (14) Колючий — Siili <еж>, Обниматься — Paljon <много, часто>, Черствый — Ruisleipä <ржаной хлеб>, Крыша — Kaikilla <над всеми>, Сестра — Veli <брат>, Рубль — Euro <евро>, Писатель — Kirja <книга>, Спортивный — Suomalainen <финн>, Деньги — Rikas <богатый>, Дед Мороз — Joului <Рождество>, Обедать — Ravintola <ресторан>, Хельсинки — Pääkaupunki <столица>, Карелия — Ukki <дед>, Глупый — Professori <профессор>,

минут, так как первый же эксперимент показал, что наиболее «качественные» ответы даются от четвертой до двенадцатой минуты теста, далее же внимание испытуемых рассеивается и ослабевает, что отрицательно сказывается на результатах. При том что список слов-стимулов базировался на лексике, составляющей так называемое ядро лексикона человека (Золотова 1984: 126), в него также было включено немалое количество слов, не обладающих повышенной активностью, но, тем не менее, входящих в узус литературного языка. Из списка были исключены устаревшие и диалектные слова, терминология, книжная и стилистически маркированная (сниженная, жаргонная) лексика.

Думать — Minä <я>, Лошадь — Ratsastaa <ездить верхом>, Школа — Poika <мальчик>, Старость — Pelottava <страшно>, Пиво — Lempijuoma <любимый напиток>, Высокое — Korkokengät <туфли на высоком каблуке>, Жить — Täysillä <«на всю катушку»>, Курить — Baari <бар>, Левый — Oikea <правый>, Бесплатный — Lounas <обед>, Мясо — Pihvi <бифштекс>, Смерть — Veri <кровь>, Россия — Mielenkiintoinen <интересная>.

В практической коммуникации ассоциативная асимметрия выражается в том, что при построении высказывания на одном языке в сознании билингва внезапно всплывают слова другого языка. Это явление нельзя смешивать с незнанием слова, оно не обусловлено лакуной в индивидуальном лексиконе. Его также нельзя отнести к стратегии смены кода, когда говорящий переходит на другой язык из каких-то внутренних соображений, чаще всего потому, что выразить конкретную мысль ему легче на втором языке. Если лексические пробелы и смена кода демонстрируют нехватку вербальных содержаний-наполнений в одном языке, то сбои ассоциативной асимметрии, напротив, демонстрируют избыточность этих содержаний. Помехи, вызванные ассоциативной асимметричностью сознания, редко заканчиваются полной коммуникативной неудачей, поскольку билингв преодолевает эту семантическую избыточность самостоятельно, возвращаясь к начатому высказыванию, как это видно из приведенных примеров. Пример (15) представляет собой фрагмент интервью с информантом Т, пример (16) — отрывок из «живой» спонтанной речи говорящего:

- (15) И: Ты не сбиваешься допустим с одного языка на другой или за десять лет это все ты уже четко разработала определилось...
- Т: Ну если крикнет рядом кто-то другое слово на другом языке сбивается немножко.
- И: Угу... То есть? Не=не очень понимаю. Кто кто это *рядом*???
- Т: А просто когда с кем-то разговариваешь... не говоришь а разговариваешь...разговариваешь разговариваешь разговариваешь и раз пробежит кто-нибудь по-фински крикнет и тоже выскакивает финская *фраза**** ...
- И: Угу. Так.

- (16) И вот эта книга... эта книга... хоть она и такая тоненькая... она как знаете... почему-то финское слово приходит в голову**... tiivistys**... Концентрат! Вот**!

Лексическая асимметричность в речи на ФНЯ выражается в первую очередь в пробелах в индивидуальном лексиконе, более частотных по сравнению с лексиконом личности, пользующейся языком в качестве ФОЯ. В общении лакуны приводят к избыточным заминкам при построении высказывания, паузам, звукам, заполняющим время хезитации («мэкантью»). Сталкиваясь с лакуной, говорящий может использовать разные стратегии ее заполнения, причем выбор стратегии непосредственно зависит от того, какой реципиент-дизайн был создан другим участником (или другими участниками) коммуникации. Реципиент, в свою очередь, может обладать более обширными знаниями в используемом языке и более высоким навыком его использования по сравнению с говорящим или менее обширными знаниями и менее развитой беглостью. В первом случае говорящий может оповестить реципиента о лакуне в своем лексиконе и позаимствовать искомое слово из лексикона реципиента, как это происходит в примере (17), где говорящий Т опирается на русскую речь интервьюера и, не зная слова «отрицательный», прямо спрашивает о его значении:

- (17) И.: А Россия не вызывает у тебя отрицательных чувств?..
 Т.: Что? →
 И.: Россия... какие чувства вооб(с)ще вызывает Россия / сама Россия?..
 Т.: Угу.
 И.: Жизнь в России вот-э... люди русские..
 Т.: Угу.
 И.: отрицательное положительное больше... или как вообще?..
 Т.: Что это отрицат / →
 И.: Чувство.
 Т.: Как я чувствую...→
 И.: Да. Да. Как ты себя там /
 Т.: Но о / о..
 И.: чувствовал.
 Т.: О = о / я чувствовал очень хара=харашо!

В примере Т использует также еще одну типичную стратегию речевого поведения на ФНЯ, которую можно охарактеризовать как «пассивное ожидание», в течение которого второй участник развернет высказывание шире или перестроит его так, что пробел в лексиконе заполнится и говорящий сам сумеет разрешить момент коммуникативной неудачи, как это происходит в примере (18), где Т дает ответ на вопрос не сразу, а лишь после ряда уточняющих вспомогательных звуков, цель которых состоит в том, чтобы косвенным образом продемонстрировать интервьюеру свою неуверенность и заставить его уточнить заданный вопрос:

(18) И: То есть = ты бы не отказался еще раз поехать в Россию?..

Т: (Ак)... (И)... →

И: Еще раз если тебе предложат.

Т: Ес=если... →

И: Ты бы поехал?

Т: Приглася= приглашают... Эта... м=м... →

И: Да. Работать.

Т: Думаю да.

Таким образом, лексическая асимметричность приводит к зависимости более слабого собеседника от более сильного. Говорящий на ФНЯ не сразу включается в коммуникацию, а тратит какое-то время на «когнитивную адаптацию», причем период этого коммуникативного включения зависит от индивидуальных навыков и умений коммуниканта. Если в языковой парадигме говорящего на ФНЯ имеется более «сильный» язык, чем тот, на котором он разговаривает в данный момент, и если он предполагает, что собеседник тоже владеет этим языком, такая ситуация подталкивает говорящего ставить на место лакуны в высказывании на ФНЯ-2 лексему из ФНЯ-1. Так происходит в примере (19): одним из функционально непервых языков для Т является английский, которым он владеет лучше, чем русским, поэтому, когда возникает потребность заполнить лакуну, возникшую в силу незнания антонима прилагательному *стабильный*, Т прибегает к использованию английского слова *turbulent*, причем переделывает его так, чтобы оно «звучало» по-фински. К этому приему, по видимому, его подталкивает неосведомленность в том, насколько хорошо интервьюер знает английский язык. Момент неуверенности завершается только тогда, когда интервьюер отвечает на

высказывания Т словом, вполне соответствующим как его мыслям, так и языковым познаниям. Слово *динамика* оказывается удачным выбором для устранения коммуникативной заминки, и Т охотно включает его как в свой дискурс, так и в свой индивидуальный лексикон:

- (19) Т.: Конечно это / м=очен... э... большой разница между...
И.: Угу.
Т.: жизн в Финладии и в России \\ ну=э... э=м... # э...
э/м... я... я люблю э... балшой разница каждый ден
если вещи хороши / всё ль/ люди очен-э... рады **.
Если \\ ээ... вещи-э... м=ни харашо / тоже эмоции...
И.: Угу.
Т.: это болше эмоции и \\ тоже в бизнес эта... мм... интэ-
рэснэй! а = в /
И.: Угу.
Т.: в=э... на ... на / а... на работе патому что там-э... \\ ис-
э... происходит-э н=*** болше чем
И.: Угу.
Т.: здес и конечно \\ ну в[сш]ё э / там / м=балшее... бал-
шей страна па /
И.: Угу.
Т.: И и э / всё болше и этот конечно интэрэснее тоже
новый Фи / Финландия \\ эта... маленькая страна и /
я работал здес дол = ну далга (и) долга ну / э=эта /
очен стабилный.
И.: Угу.
Т.: И... (мне-э)... нра=нравится болше кагда / э чут-чуть
турбуленсси =
И.: ***
Т.: чут-чуть э... \\ э=м... →
И.: Динамика.
Т.: Динамика да / да да...

Помимо «открытых» лакун, которые говорящий должен заполнять тем или иным образом, в речи на ФНЯ часто встречается явление семантической размытости слов, когда схожие по звучанию слова сливаются для индивида в одно целое и он не чувствует смысловой разницы между ними, в результате чего в индивидуальном лексиконе билингва образуется нечто вроде «семантической лужи», в которой «плавают» несколько однокоренных или близких

по звучанию, но разных по смыслу лексем. Такое смешение характерно для устной спонтанной коммуникации, где меньше времени на осмысление используемых лексем. Наиболее часто это явление затрагивает употребление глаголов, как, например, *достать* — *доставлять*, *связать* — *завязать* — *привязать*, *старается* — *стирается*, *доказать* — *наказать* *проверить* — *проветрить*, *увеличиться* — *увлечься*, *изучать* — *излучать*, *зарезать* — *отрезать* — *разрезать*. Совпадение звукового облика слов может приводить к «семантическим лужам» существительных и прилагательных, например: *цвет* — *свет*, *уточка* — *удочка* — *дудочка*, *стол* — *столб*, *роза* — *рожа*, *рожи* — *рожки*, *оплата* — *зарплата*; *страшный* — *страстный*, *циркони* — *цирковой* — *церковный*, *шведский* — *светский*, *грамотный* — *громадный* — *громоздкий*; *осина* — *осиный* — *лосиный* — *лосины* — *лососина* и т. п.

Впрочем, подобные «семантические лужи» дают повод для рождения различных шуток и приобщения к языковым играм, столь важным в человеческом общении. Например, смешивание прилагательных *страстный* и *страшный* привело к установлению у одной финско-русской супружеской пары традиции, когда финский муж каждую годовщину свадьбы дарил русской жене открытки с надписью «*люблю тебя страшно!*», связанной с начальным, романтическим этапом отношений с будущей женой, которой он однажды признался в любви именно этими словами.

Грамматическая асимметричность речи является самым ярким и бросающимся в глаза признаком коммуникации на ФНЯ. Тем не менее, грамматические aberrации, — ошибки, промахи, «осечки» и недочеты, — в естественной коммуникации не воспринимаются ни одной стороной как непреодолимая помеха и реже по сравнению с другими ведут к коммуникативной неудаче. Если один из участников коммуникации владеет языком в качестве ФОЯ и настроен на кооперативную стратегию коммуникации, то общение будет успешным, невзирая на количество отклонений от грамматической нормы в речи говорящего на ФНЯ, который далеко не всегда замечает собственные ошибки и исправляет их. Осознание тех или иных недочетов речи случается в момент, который можно назвать «посткоммуникационной рефлексией», уже после того, как коммуникативный акт завершился. Многие говорящие на ФНЯ вообще не анализируют собственную речь, считая, что они говорят грамматически правильно. Об этой особенности писал, например, М. Халидей, отмечавший, что люди «не опознают употребляемых ими грамматических структур» (Halliday 1987:

57–58). На эту стратегию опирается общение на *лингва франка*, когда язык используется обеими сторонами в качестве посредника для достижения некой цели и обеспечения успешной совместной деятельности. Грамматические нюансы, как правило, в такой ситуации не играют важной роли для участников коммуникации, на первый план, напротив, выходит лояльное отношение к отклонению от языковой нормы, как это видно из примера (20), в котором русская информантка Я рассказывает о том, как устанавливалось и развивалось их индивидуальное общение с мужем-финном на английском языке, принятом им первоначально за язык *лингва франка*:

- (20) Я: А с Юхой / как бы... когда я начала так активно общаться на своем / английском... Он меня не понимал.
 И: Угу. А ты его понимала когда он тебе что-то отвечал?
 Я: А ну когда он отвечал моими словами я понимала когда он начинал говорить университетскими то что в книжках написано**... *филологических* то конечно я (вообще не понимала)..
 И: Угу. И что вы в таких случаях делали? То есть просили объяснить?
 Я: Да.
 И: Так. (Очень интересно)...
 Я: И в конце концов наш английский... кхм... как бы утвердился на таком уровне = на бытовом, (--) несклоняемом, неспрягаемом (--) чтоб было по=нят=ней = друг другу... *** <--> Вот. Без правил. Но зато понятно...<-->
 И: А сейчас?..
 Я: А сейчас у нас одно слово по-английски, одно по-фински, а одно по-*русски****..
 И: Так сказать э...***... Юхино задание целевое или нет?
 Я: Нет нет. Это просто что первое придет в голову... то и говорим...
 И: Потому что Юха... сейчас заинтересован в изучении (русского языка да)?..И вот эт=вот ваша коммуникация она = выстраивается по-русски допустим или все-таки сбивается на эти два языка?..
 Я: А выстраивается мы стараемся ее выстраивать но так как / он порой никак на мои русские предложения = я тут же перехожу на английский. На наш английский

который мы с ним *создали***... *Понятный и без правил = склонений*... *Вот* он кричит зачем (я говорю) да потому что не отреагировал (он такой) а что / обязательно нужно реагировать?

Таким образом, в общении на ФНЯ более важной оказывается не грамматическая оформленность высказывания, а обоюдная установка на понимание вопреки нарушению нормы, иначе говоря, прагматика коммуникации. Основной доминантой для успешного коммуникативного акта на ФНЯ является, на наш взгляд, установка на осознание разницы между собственным культурно-интеллектуальным фоном и тем культурно-интеллектуальным фоном, которым обладает реципиент (см. Мустайоки 2011). Подобное осознание меняет лингвоповеденческие стратегии коммуникантов, адаптируя их высказывания практически по всем вышеперечисленным параметрам: звуковому, интонационно-акцентологическому, лексическому, грамматическому. Так, если говорящий знает или догадывается, что реципиент владеет языком общения на уровне ФНЯ, то он невольно старается говорить громче, четче, прибегает к повторам высказывания, замене слов или переформулировкам, то есть осуществляет мониторинг своей речи (см. Мустайоки 2011), направленный на облегчение ее восприятия реципиентом. Однако даже подобное изменение стратегий не всегда является гарантией отсутствия **прагматической асимметричности** общения, ведущей к КН, особенно если коммуниканты общаются первый раз, не имея представления о культурно-интеллектуальном фоне друг друга, влияющем на культурологическую пресуппозицию коммуникативного акта.

Коммуникация предназначена для того, чтобы передать информацию или получить ее. Следовательно, сама информация, не выраженная вербально, уже имеется у одного из партнеров. Это может быть определенная сумма знаний, накопленная в памяти и требующая лишь воспроизводства в нужный момент (Рожнова 2010: 114). Однако данная информация может быть не востребована или вовсе не воспринята представителем иной национальной культуры, говорящем на языке, но не обладающем необходимой для понимания высказывания культурологической пресуппозицией.

На языковом уровне культурологическая пресуппозиция, с одной стороны, обуславливается историческими традициями использования языка, той ментальной картиной мира, которая сформировалась в ходе развития этноса, а также связанными

с ней культурно-языковыми концептами, фиксирующими ценности социума. Культурологическая пресуппозиция наглядно выражается, например, в устойчивых метафорических выражениях и фразеологических сочетаниях, знание и использование которых является признаком принадлежности к национальной языковой культуре. В зависимости от коммуникативной ситуации слово, помимо своего семантического значения, вызывает в сознании говорящего определенное число культурологических содержаний, обусловленных полученной ранее информацией, которую он может использовать по своему усмотрению и желанию. Связанное с образом, культурологическое содержание закреплено в устойчивых вербальных формулировках, — словосочетаниях или даже высказываниях. Однако в случае коммуникации на ФНЯ говорящий часто лишен этого багажа знаний или обладает им частично, в силу чего он может не воспринимать каких-то нюансов высказывания: типичным, например, является непонимание прецедентных феноменов и построенных на их использовании языковых игр и шуток.

Кроме того, говорящему на ФНЯ участнику коммуникации часто не знакомы прагматические модели речевых жанров, влияющие на закономерности речевого поведения людей и регламентирующие их общение. Особенно ярко такая парадигматическая асимметричность речи проявляется, когда коммуникация отступает от параметров делового общения и переходит в русло более свободной беседы. Порой стремление говорящего на русском языке в качестве ФНЯ иностранца усвоить модели русского дружеского общения может оборачиваться анекдотическими казусами. Так, например, реальным является случай, когда один финн, попав в дружескую компанию русских, активно использовавших в своем общении некодифицированную лексику, решил, что подобные слова выражают особую степень дружеского расположения (что, в целом, соответствовало ситуации) и через пару дней обратился к своей будущей русской теще, применяя те слова, которые старательно запомнил. Инцидент, безусловно, разрешился, однако первоначально дама пришла в ужас и отправилась жаловаться своей дочери на то, что будущий зять «ругается, как извозчик».

Кроме того, даже модели делового общения в российской культурной прагматике резко отличаются от европейских моделей, что также приводит к возникновению КН. Другой финн, достаточно хорошо разговаривавший на русском языке, жаловался

автору этой статьи в частной беседе, что у него «не получается делать бизнес в России». Когда же автор поделилась этим рассказом с общим знакомым, московским бизнесменом, тот досадливо воскликнул: «Ну конечно, не получается! Он сидит на переговорах, как болванчик, совершенно не умеет заинтересовать партнеров». Таким образом, российская прагматика делового общения по сравнению с финской предполагает более активный реципиент-дизайн, требуя эмоционального слушания и открытого вербального проявления эмоциональной заинтересованности в партнере как в личности.

7

Таким образом, коммуникация на ФНЯ осуществляется с применением стратегий, качественно отличающихся от стратегий общения на ФОЯ. Перечисленные выше коммуникативно-речевые абберрации, как правило, присутствуют в общении на ФНЯ не по отдельности, а в совокупности, одни в большей, другие в меньшей степени. В результате дискурс на ФНЯ обретает следующие характерные свойства:

1. Степень требований, предъявляемых к лингвистическому аспекту коммуникации, то есть к степени владения языком, как правило, снижается или отходит на задний план: общность навыков речевого общения, по большому счету, не играет решающей роли в успешности или неуспешности коммуникации. Безусловно, количество допускаемых грамматических ошибок не должно превышать какого-то критического уровня, но, тем не менее, этот уровень на практике оказывается довольно высоким; куда важнее становится согласие партнера на понимание, которое выражается как вербально, так и невербально и является одной из главных предпосылок для развертывания дискурса. В случае установления коммуникативного контакта и получения коммуникативного отклика от партнера повышается свобода в построении речевой цепи, ее независимость от грамматических правил и синтаксических конструкций.

2. Возрастает значимость и одновременно неустойчивость семантического аспекта коммуникации. Ослабленность грамматических и синтаксических стандартов компенсируется семантикой высказывания, однако достаточно часто реально существующие смыслы и значения слова могут не совпадать с теми индивидуальными представлениями о них, которые сложились у участников

общения. Образы сознания могут варьироваться весьма сильно, будучи привязанными к конкретной национальной культуре и ФОЯ, из которых они переносятся на ФНЯ.

3. На общении может сильно сказываться разница когнитивной базы коммуникантов, пресуппозиции, или «апперцепционной базы», которая включает в себя наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у коммуникантов (Земская 1978: 201). По словам М. Л. Макарова, для успеха коммуникации необходим общий фонд знаний и верований, иначе говоря, у коммуникантов в феноменологическом поле должен присутствовать общий набор контекстуальных пропозиций — общий пресуппозиционный фонд, без которого совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или невозможна (Макаров 1998; 107). И если любой коммуникативный акт подразумевает пересечение и актуализацию индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов и фоновых знаний личности, то последние, в свою очередь, напрямую зависят от того, в какой этнолингвистической среде и каком культурном социуме был усвоен ФНЯ. Если коммуникантов объединяет одно и то же национально-лингво-культурное сообщество или социум, их общение регулярно наполняется намеками, интертекстуальными отсылками и имплицитными апелляциями, прецедентными текстами и шутками.

4. Наконец, во много раз усиливается роль экстралингвистического аспекта, так называемой консинуации, включающей в себя следующие факторы, находящиеся в отношениях взаимодополняющей дистрибуции (классификация дана В. В. Красных [Красных 2003: 87]):

- 1) контактное *vs* дистантное общение;
- 2) число коммуникантов:
 - «авторов» (реально и активно участвующих в общении);
 - реципиентов;
 - профессиональная принадлежность и профессионально-интеллектуальный уровень коммуникантов;
- 3) социальные роли коммуникантов;
- 4) степень знакомства / интимности коммуникантов;
- 5) официальность *vs* неофициальность общения;
- 6) стандартность *vs* нестандартность обстановки общения;
- 7) эмоциональное состояние коммуникантов.

Риск коммуникативного сбоя и коммуникативных неудач при таких параметрах не просто возрастает: он становится неотъемлемой частью коммуникативного акта. Риски снижаются по-

степенно, по мере развития билингвальности речемыслительной деятельности говорящего, повышения его компетентности на всех языковых уровнях и адаптации и подключения к моделям, принятым в культурной прагматике поведения носителей языка.

Знаки транскрипции

Символ	Значение
/	повышение тона;
↓	падение тона;
и	сильное выделение гласного;
:	удлинение гласного или согласного;
,	мягкость согласного;
Λ	звук, соответствующий русским редуцированным гласным фонемам <i>а</i> или <i>о</i> , стоящим в первом предударном слоге после твердого согласного: [ǎврак] <i>овраг</i> ;
ъ	звук, примерно соответствующий русским редуцированным гласным <i>а</i> или <i>о</i> , стоящим во втором и далее предударных слогах или в первом и далее постударном слоге после твердого согласного: [пълучилъ] <i>получила</i> , [пъсылалъ] <i>посылала</i> ;
и°	гласный звук, средний между <i>и</i> и <i>е</i> , стоящий в первом предударном слоге после мягкого согласного и выражающийся на письме буквами <i>и</i> , <i>е</i> или <i>я</i> : [си°р°эн°] <i>сирень</i> , [п°и°чэн°йъ] <i>печенье</i> , [п°и°т°оркъ] <i>пятерка</i> ;
ь	редуцированный гласный звук, стоящий во втором и далее предударных слогах или в первом и далее постударном слоге после мягкого согласного и выражающийся на письме буквами <i>и</i> , <i>е</i> или <i>я</i> : [п°ърΛжок] <i>пирожок</i> , [с°ър°и°бро] <i>серебро</i> , [фпам°ът°ь] <i>в памяти</i> , [ǎбдумывън°ьйъ] <i>обдумывание</i> ;
ы°	средний звук между русским <i>э</i> и <i>ы</i> ;
ж	удлинненный гласный или согласный звук;
Ч	твердый согласный звук <i>ч</i> .

Знаки синтаксического членения высказывания

Символ	Значение
...	микропауза с понижением интонации и уменьшением громкости голоса при общей незаконченности высказывания;
/	микропауза с восхождением интонации и небольшим усилением громкости при общей незаконченности высказывания;

=	пауза между частями высказывания без изменения интонации и силы голоса;
,	четкая интонация перечисления;
.	интонация полностью законченного высказывания;
(слово)	произнесено тихим голосом;
слово	произнесено с улыбкой или смехом;
**	смех;
слово	звук слегка растянут;
слово	слово или его часть произнесено более громким голосом, просодически усиленно и выделяется из общего интонационного рисунка высказывания
(--)	пауза в высказывании или разговоре;
сло/во	слово интонационно разорвано;
сло=слово	единовременный повтор без просодического изменения высказывания;
слово=э	слитное произнесение слова и звука хезитации;
\	резкая смена темы и интонации высказывания, сопровождающаяся изменением просодии (регистром ниже или выше) при сохранении предыдущего темпа речи;
=	резкий просодический подъем в последнем слове синтагмы, отсутствующий в русской речи;
=.	интонационный скачок конечного гласного звука, характеризующийся сменяющимися друг друга повышением и падением тона.

Литература

- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 56. № 1. С. 11–21.
- Вахтин, Н. Б., Мустайоки, А. С., Протасова, Е. Ю. Русские языки // Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova, Nikolai Vakhtin, eds. *Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian*. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. С. 5–17.
- Гудков, Д. Б., Скороходова, Е. Ю. О русском языке и не только о нем. М.: Гнозис, 2010.
- Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания // Н. В. Уфимцева, ред. *Языковое сознание: формирование и функционирование*. Институт языкознания РАН, 1998. С. 35–54.
- Зеленин, А. В. Особенности языка и речи русских в Финляндии (на материале интервью) // М. Лейнонен, ред. *Жанр интервью: Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге*. Slavica Tampereusia VI. Tampere, 2004. С. 21–58.

- Земская, Е. А.* Особенности русской разговорной речи и структура коммуникативного акта // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978. С. 196–220.
- Исаева, Т. А.* Русская речь мордвы-эрзи // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 29. Саранск, 1965. С. 3–133.
- Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS, 2006.
- Квале, С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2009.
- Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: «Гнозис», 2003.
- Крысин, Л. П.* Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека. Речевое общение. (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения). Специализированный вестник КрасГУ. Выпуск 3 (11). 2009. С. 61–64.
- Леонтьев, А. Н.* Основы психолингвистики. М., 1999.
- Макаров, М. Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Мустайоки, А.* Причины коммуникативных неудач: попытка общей теории // Л. А. Вербицкая и др., ред. Русский язык и литература во времени и пространстве: XII конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Том 2. Shanghai Foreign Language Education Press, 2011. С. 269–281.
- Перехвальская, Е. В.* Русские пиджины. М.: Алетейя, 2008.
- Перехвальская, Е.* Современные формы русского пиджина: уссурийский вариант // Arto Mustajoki, Ekaterina Protassova, Nikolai Vakhtin, eds. Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to the Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia 40. Helsinki: Yliopistopaino, 2010. С. 175–187.
- Рожднова, Е. П.* Особенности становления репликового шага в речевом общении между представителями различных национальных культур // Большие и малые языки в языковом, культурном и образовательном пространстве поликультурного мира. Материалы Международного симпозиума 1 октября 2010 года. Тверь: ТГУ, 2010. С. 112–118.
- Тарасова, И. П.* Речевое общение, толкуемое с юмором, но всерьез. М.: Высшая школа, 1992.
- Томаселло, М.* Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Федорова К.* Русско-китайское пограничье: в поисках жанра (эссе о целях и задачах полевой работы) // А. К. Байбурун и др., ред. Nomen est omen. Сборник статей к 60-летию Н. Б. Вахтина. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2010. С. 236–245.

- Шахнарович, А. М., Юрьева, Н. М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М.: Наука, 1990.
- Ягунова, Е. В.* Вариативность стратегий восприятия звучащего текста: Экспериментальное исследование русскоязычных текстов разных функциональных стилей. Пермь, 2008.
- Baetens-Beardsmore, H.* Bilingualism: Basic Principles. Clevedon: Tieto LTD, 1982.
- Croot, A. de & Comijs, H.* Translation recognition and translation production: Comparing a new and an old tool in the study of bilingualism // A. de Croot & H. Comijs, eds. Language Learning. Michigan: 1995. Vol. 45/3. P. 467–509.
- Grice, P.* Logic and conversation // Syntax and Semantics. 1975. Vol. 3. P. 43–48.
- Halliday, M. A. K.* Spoken and written modes of meaning // Rosalind Horowitz & S. Jay Samuels, eds. Comprehending Oral and Written Language. San Diego, CA: Academic Press, 1987. P. 55–87.